

Провинциальный городок.
Дороги кривы, ночи долги.
Пылится том на верхней полке,
знакомый вдоль и поперёк.
Огарка кукиш в фонаре,
а на столе — щербинка чашки,
на чьём боку цветут ромашки
такие же, как на дворе.
Вдоль дома чахнет палисад.
Из телевизора стреляют.
Бездумно улочка петляет
не то вперёд,
не то назад...

А ну валяй, заваливай снегами
все-все углы, проулки и дворы,
где тропки пролагаются ногами
бабулек, и собак, и детворы,
куда ни мэр, ни техника не вхожи,
где дворников не видят испокон,
но Дяди Стёпы испитая рожа
глядит и бдит из сумрачных окон.
Давай, зима, сыграй же напоследок —
во все ворота свой штрафной забей!

*Зли дéдок и ещё пораду́й деток.
И в кружеве из выбеленных веток
позирует красавец-воробей.*

*Мороз и солнце, Александр Сергеич!
От колыбели на гушу легло.
Мы исхитряемся и словеса калечим,
а вами сказаны так ясно и легко,
что помнятся с младенчества до гроба, —
прямые полновесные слова.
Мороз и солнце!
Неба синева —
и белизна искрящихся сугробов...*

*Списание от спасения
отличает совсем немного.
Просто две гласные
притворились друг гружкой,
перепрыгнули с места на место
и нацепили маски.
Наши глаза
привыкают к маскам
и многого не замечают.
При быстром чтении
и этой подмены не заметишь:
скользнёшь взглядом,
не ухватившись
за ручной тормоз смысла,
привычно веря в свой опыт,
в свою зрелость,
в свой разум...
И тогда — катастрофа.*

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Б. Пастернак

И вот к концу летит январь.
Снега ложатся на балконы.
Всё позже сумрак заоконный
взывает зажигать фонарь
у старой липы на углу,
где спуск и где опасны тени:
обледенелые ступени
ведут не на асфальт — во мглу.
Но путь один — ведущий к ней.
Не озаряет мглы теченья
сугробов серое свеченье,
и свечка теплится в окне.
И свечка... Минуло сто лет,
а кажется — протянешь руку...
Январь сто лет летит по кругу.
В руке — мобильник? Пистолет?

Нет, весне не до веселья
в эту хмурь и в эту хмарь,
хоть весенья обещает календарь.

Это что за невезенье —
дни и ночи напролёт
барабанит, шепчет, шоркает и льёт...

Чёрный кот возник из мрака,
мокрой кляксой на порог
вполз — и лёг.

А гремучая собака
дремлет сладко, безопасно:
ей — прекрасно.